

КОЛИН ВИ

ПЕРВАЯ КУДЕСНИЦА
ИМПЕРИИ

Колин Ви

Первая кудесница Империи

<https://litres.ru/74131383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое неудача и как с ней бороться — я знаю не понаслышке. Однажды, решив изменить свою судьбу, я встретила с таинственной женщиной. Она сказала, что я появилась на свет не в своё время и что моя истинная судьба ждёт меня в другой реальности. Но самое главное — чтобы тот мир не погиб, я должна спасти кого-то очень важного. Мгновение — и я оказалась в теле юной дворянки Полины Константиновны Ушаковой, а на дворе стоял 1881 год. Едва придя в себя, я бросилась к императору и спасла его от второго взрыва. Казалось бы, теперь живи и радуйся, но всё оказалось не так просто. Хладнокровный Генерал-инспектор решил завербовать меня в тайный отдел под названием "Имперская инспекция аномалий". Чтобы не состариться в каземате, я согласилась стать первой колдуньей в его службе.

Содержание

Глава 1. Генерал-инспектор Дмитрий Львович Шувалов	12
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Колин Ви

Первая кудесница Империи

Пролог

«Очищу карму, верну судьбу, уберу неудачи, выдам замуж, сделаю счастливой» — уверяла визитка, прилепленная к зеркалу дребезжащего лифта в старом доме на набережной Грибоедова. Лифт, как и сам дом, будто застрял в прошлом, ещё до всяких перемен и теперь отказывался исправно работать.

«Ну да, конечно... Мою неудачу даже чёрт обходит стороной», — пробормотала я себе под нос — и тут же наткнулась на ледяной взгляд мужчины, чей наряд стоил как вся моя жизнь.

Он смотрел на меня так, словно само моё появление уже успело испортить ему настроение.

Я инстинктивно втянула голову в капюшон, пытаюсь в нём спрятаться. Сколько уже работаю с этими питерскими снобами, а всё ещё не научилась сохранять невозмутимость когда вижу такие гримасы. Их особый взгляд «ты тут лишняя» невозможно игнорировать.

Как только мужчина отвернулся, я тут же вытащила свой старенький айфон и щелкнула пару кадров этого пафосного объявления. Нет, платить какой-то «ведунье 80 уровня» я не

собиралась. Но, честно говоря, быть хронической неудачницей тоже надоело. Позвоню вечером — послушаю что предлагает. Вдруг звёзды сойдутся и случится чудо. Ну или хотя бы будет повод посмеяться с подругой над своей наивностью.

Чуть приободрившись, я поправила на плече тканевую сумку — внутри лежали выкройки для вечернего платья одной дамы из «старинного дворянского рода» (как она сама утверждала). По моим ощущениям, это была обычная женщина с завышенной самооценкой и кошкой по имени Герцогиня.

С этими мыслями я шагнула на улицу — и сразу же попала под окрик.

— Девушка, смотрите, куда идёте! — раздражённо рявкнул парень, пролетая мимо на электросамокате.

Я поспешно отскочила в сторону... и тут же угодила прямо в растаявшее мороженое на асфальте.

— Да чтоб тебе голуби сливочный салют устроили, — буркнула я ему вслед.

Не прошло и минуты, как за спиной раздалась отборная ругань. Я обернулась — и прыснула со смеху. Слова, сказанные в раздражении, снова сработали: троица голубей как раз заканчивала устраивать парню «сливочный салют». Деловито прокурлыкав, они разлетелись кто куда. Ну вот, опять...

Вся моя жизнь — сплошная цепочка «случайностей», от которых у нормальных людей волосы встают дыбом. Кто-то бы, наверное, восхищенно сказал: «У тебя дар!» Но я-то знаю — это вовсе не дар, а настоящее проклятие с бонусом в виде испорченной жизни.

Слова срываются сами, без моего ведома. Иногда — так точно, что я, не задумываясь, предсказываю будущее. И вот тогда люди начинают от меня шарахаться, будто от чумной.

Каждый раз, как я открывала рот, родители напрягались. По их лицам было видно: «Ну что на этот раз? Кто сломает ногу? Кого уволят? Кто объявит о разводе сразу после пикника у озера?»

За свои двадцать два года я поняла: люди не хотят слышать правду. Особенно о себе. И особенно — заранее. Им куда комфортнее жить в розовых очках, строить воздушные замки и делать вид, что всё прекрасно. К таким, как я, относятся... настороженно, мягко говоря. Я — как будильник: вроде вещь нужная, но до жути раздражающая. Потому что мешаю спокойно спать и видеть сны.

В итоге я сбежала в Петербург — город, где все вечно спешат и никому нет до тебя дела. Казалось, здесь я смогу хоть немного выдохнуть. Вдруг моя «особенность» просто исчезнет.

Сначала всё действительно шло по плану. Я понемногу вливалась в городской ритм, даже почти поверила, что могу быть как все. Но не тут-то было. Стоило чуть расслабиться

— и вот она, реальность! Моя сила вернулась, да ещё с удвоенной мощью.

Обиднее всего то, что за каждое свое предсказание расплачиваюсь я. Без шуток. Скажу кому-то, что скоро забеременеет — к вечеру обязательно спотыкаюсь и сбиваю колени. Пожелаю соседке сдать экзамены на пятёрки — наутро просыпаюсь с прыщом на носу размером с кулак. Один раз сказала маме, что солнце высушит ручей возле дома на три месяца — в тот же день сама в него по пояс и свалилась.

Мир будто шипит мне сквозь зубы: «Ага, опять взялась за пророчества? Держи отдачу!»

И я, конечно, ловила.

Но в том-то и беда, что молчать я тоже не могла. Слово, как известно, не воробей... Особенно если это слово — предсказание.

Вот и думаю в последнее время: как бы избавиться от этого «дара», пока он окончательно не добил меня.

Весь день я носилась по клиентам. Днём — заказы, примерки, капризы по поводу тканей. Ночью — швейная машинка, кофе и музыка в наушниках. К восьми вечера я еле добралась до уютной кофейни с круглыми столиками и мягкими креслами. Вдохнула аромат корицы и оглянулась в поисках женщины.

Честно говоря, я ожидала, что меня позовут в мрачную квартиру с тяжёлыми портьерами, круглым столом и хрустальным шаром. Но всё пошло не по плану.

— Встретимся в кофейне, — сказала она и повесила трубку.

Женщина уже сидела там, неспешно потягивая ромашковый чай — будто не магией занимается, а просто ждет подругу. На вид не больше сорока, миловидная, с короткой стрижкой и яркой красной помадой. Совсем не похожа на ведьму из анекдота.

Она сразу узнала меня. Я, краснея и оглядываясь по сторонам, подошла к столику и тихо спросила:

— Елена Воронцова?

Гадалка кивнула с видом «Да-да, я вас уже давно жду», поправила прядь волос и указала на кресло напротив.

С виду — самая обычная, ухоженная женщина.

Но стоило присмотреться, как становилось ясно: всё не так просто. Глаза — зелёные, с тонкими черными прожилками, будто кто-то случайно капнул в них чернил. Хотелось взять и выложить ей всё: от детских травм до списка пакостей. Хотя я обычно человек закрытый, даже на исповедь не тянет.

Испугавшись, что ляпну что-нибудь вроде «А вы точно не аферистка?», я благоразумно прикусила язык и позволила Елене заговорить первой.

А сама, чтобы не выглядеть совсем растерянной, заказала капучино и кусочек чизкейка. Ну а что? Целый день на ногах — клиенты, беготня... Надо же как-то подкрепиться, особенно если ночь снова придется провести за швейной ма-

шинкой.

— Вижу по глазам, ты сомневаешься в моих способностях, — сказала Елена, слегка наклонившись вперёд и глядя на меня так, будто я уже записалась к ней на курс «Ясновидение за 21 день». — Но переубедить не буду. Времени у нас и так мало.

В этот момент мои брови медленно, но уверенно поползли вверх. «Мало времени» — это сейчас была угроза? Или у неё просто следующая клиентка через пятнадцать минут?

— И не смотри на меня так, имперская кудесница, — сказала Елена с таинственной улыбкой. — Честно говоря, я и сама удивлена, что успела до того, как... эх! — Она взмахнула рукой с безупречным маникюром.

— До того как что? — спросила я, покосившись на дверь.

Пока я размышляла, как бы вежливо уйти, Елена наклонилась ближе и заговорщицки прошептала:

— Расслабься. Деньги мне не нужны. Мне нужна ты. — Твою линию времени скоро сотрет. Да уж, тебе не позавидуешь. Ты ошиблась миром, но только ты можешь остановить его от самоуничтожения. Не бойся своей силы — она приведёт тебя туда, куда нужно. Только забудь всё, что знала до этого.

Пахло уже не эзотерикой а скорее клиником.

— Пожалуй, я пойду... — пробормотала я неуверенно, поднимаясь из-за стола.

Но не тут-то было. Тонкая, как спица, рука Елены с такой

силой вцепилась в мою, что я едва не вскрикнула.

— Беги на шум, не промахнешься... — её голос прозвучал, словно сквозь вату, теряясь в нарастающем гуле.

Меня резко потянуло в сон. Не обычный — как затяжное падение в темноту: уши заложило, будто в самолете на посадке.

Мгновение — и всё закончилось. Я очнулась, лёжа на мостовой. Вокруг творился хаос: кто-то кричал, кто-то бежал. Я попыталась встать... и тут же запуталась в юбках. В своих юбках. Каких ещё юбках?!

— Полечка, беги, милая! — прямо у уха раздался панический, но удивительно мелодичный голос.

Я моргнула. Где мои джинсы? Почему на мне платье с корсетом и тяжёлое изумрудное пальто? Где кофейня, где Wi-Fi, где, чёрт побери, мой XXI век?

Женщина в элегантной шляпке, похожая на героиню старинной открытки, схватила меня за руку.

— Быстрее, милая! Они никого не пощадят!

«Беги на шум», — напомнил голос Воронцовой. Ну что ж... мои ноги и сами сорвались с места.

Каблуки застучали по брусчатке, волосы хлестали по щекам, в лицо бил ветер, а внутри разрасталась паника. Но я бежала. Потому что знала: останавливаться нельзя.

Мельком проскочила мимо сломанной кареты с каким-то подозрительно знакомым гербом, увернулась от рук жандармов (кажется, именно так их называли раньше) — и прямо-

ком в крепкие объятия высокого мужчины с усами и ошарашенными глазами.

На секунду всё застыло. Мне показалось, что сверху опускается невидимый купол. Я обняла его — крепко, будто он был родным.

Раздался взрыв.

Мир поглотила тьма.

И лишь одна мысль мелькнула в голове: «Как ни странно... но в объятиях императора было удивительно домашнему тепло».

Глава 1. Генерал-инспектор Дмитрий Львович Шувалов

Приходила в себя с трудом. Мозг упирался, как упрямый кот, которого тащат за хвост. Тело ломило, матрас казался ледяным. Больше всего хотелось оказаться на мягком пледе перед открытым камином. А не тут, где бы это небыло...

Мне приснилась полная ерунда. Как будто я обнимаю императора Александра II и спасаю его от взрыва своей мистической силой. Ну да, конечно. Не иначе как сказывается эффект от тройного попадания голубей по самокатчику.

Думаю, с меня пока хватит! Никаких добрых поступков, стремлений к справедливости и прочей альтруистической ерунды. А то откат меня доконает.

Только кофе, плед и стабильная реальность. Где мой предсказуемый, холодный, но такой родной Петербург?

Потому что вместо утешительного шума машин за окном, я слышу чужие мужские голоса. И слова вроде «сударь», «дворянин», «тайный отдел»...

Это что, спектакль по классике? Кто-нибудь, выключите этот фоновый шум! Не могу сосредоточиться. Голова так и гудит, как пустой котел.

Я слабо пошевелилась, пытаюсь выбраться из липкого полусна, но в висках резко стрельнуло обжигающими иголками.

ми, и я жалобно простонала.

— Полина Константиновна? — будто сквозь вату, донёсся до меня мужской голос.

“Тут что, ещё одна Полина есть?” — пронеслось у меня в голове. Необычное обращение заставило распахнуть глаза. Ко мне еще никогда так не обращались. Но это всего лишь полбеды. А все потому, что окружающая меня обстановка была мне совершенно незнакома. Надо мной тянулись массивные деревянные балки, а вместо привычной люстры — подвешенные к потолку старинные подсвечники.

— Полина Константиновна, как вы себя чувствуете? — снова прозвучал мужской голос где-то рядом.

Я скосила глаза на того, кто аккуратно проверял мой пульс, держа тонкую кисть в мозолистых руках. Мужчина был полноват, с роскошными усами и в коричневом костюме-тройке. На носу держались круглые очки в тонкой оправе, которые он время от времени поправлял, о чем-то задумавшись.

Я перевела взгляд на второго мужчину, стоявшего неподалёку со скрещенными за спиной руками.

Его строгая военная форма напоминала офицерские мундиры XIX века — а может, и начала XX-го. Брюнет с серьёзным лицом выглядел погруженным в свои мысли и, кажется, даже был не здесь.

Высокий, подтянутый, с выразительным взглядом, он напоминал актера из исторического фильма про Российскую

Империю. Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться вслух. Ну и фантазия у меня разыгралась!

— Ваше превосходительство, сударыня чувствует себя вполне удовлетворительно и сможет вести беседу, — произнёс врач, поправляя очки собирая свои вещи.

Я лежала неподвижно, словно бревно. Не хотела шевелиться – от слова совсем. Казалось, ещё немного — и двери распахнутся, а в комнату ворвется режиссёр со словами: «Стоп! Снято!» И вот тогда я встану и спокойно уже пойду домой.

Неужели Елена Воронцова и правда оказалась настоящей ведьмой? Отправила меня в другую реальность? Невероятно! Но если это правда... выходит, я действительно спасала императора?!

Вот это я попала!

— Алексей Сергеевич, вы уверены, что сударыня выдержит серьёзный разговор и не прибегнет к... женским хитростям? — холодно осведомился тот самый генерал, не сводя с меня прищуренного взгляда.

Врач без колебаний снова повернулся ко мне, поднял руку и, широко растопыбив пальцы, задал вопрос:

— Сударыня, сколько пальцев вы видите?

Просто гениально! А что так можно лечить? И как человечество сразу не догадалось? Я даже растерялась от такого

«глубокого» медицинского обследования. Дыши, Поля, просто дыши.

Что там говорила гадалка? Спаси кого-то очень важного — и тогда судьба встанет на нужный путь?

Если я и правда спасла царя, значит, есть шанс, что скоро вернусь в свою реальность. А этот гениальный доктор исчезнет вместе с хмурым генералом и его скулами — острыми, как лезвие.

— Пять, — произнёс мой голос.

Мелодичный, чуть дрожащий... и, на удивление, с такой аристократической интонацией, что я в шоке замерла, прислушиваясь к себе...

Ничего себе! Никогда бы не подумала, что могу говорить, как героиня из любовного романа.

Врач удовлетворенно кивнул, быстро собрал свои инструменты и стремительно вышел из комнаты.

Тем временем мужчина в форме подошёл ко мне уверенным шагом, молча протянул руку и помог подняться с узкой кровати.

Тусклый дневной свет слабо пробивался в небольшую комнату. Пол был деревянный, добротный, а у стены стоял массивный письменный стол из темного дерева, заваленный бумагами, чернильницами, журналами и папками. Сре-

ди этого хаоса возвышалась незажженная масляная лампа.

В центре комнаты — тяжелый деревянный стул с высокой спинкой и кожаным сиденьем. Именно его оседлал мужчина.

Если мне не изменяет память, подобное поведение для его статуса — особенно в присутствии дамы — считалось, мягко говоря, недопустимым.

Он молчал, давая мне время осмотреться и прийти в себя — правда, это мало помогало.

Я паниковала. Сердце бешено колотилось, а пальцы неосознанно теребили плотную ткань платья. Тело ощущалось моим, но, глядя на ухоженные руки и светлую кожу, я ясно понимала — это не я.

Полина, судя по всему, не знала ни тяжёлого труда, ни бессонных ночей. Её словно растили в теплице. Хотя сама она, похоже, не слишком заботилась о себе — почти болезненная худоба, стянутый корсет, слабые мышцы. Я едва могла сесть, не задыхаясь.

— Как вы себя чувствуете? — участливо спросил мужчина. Но в холодной синеве его глаз читались скорее расчёт и осторожность, чем забота.

— Где я? — выдохнула я и, решив сыграть роль бедной девицы, добавила побольше растерянности в голос.

— Вы находитесь в моём личном кабинете, Полина Константиновна. Меня зовут Дмитрий Львович Шувалов, генерал-инспектор. В данный момент я курирую особый отдел, занимающийся необъяснимыми явлениями, — произнёс он

коротко и чётко, хотя и предельно сухо. — Но давайте сразу к делу, пока ваш папенька всеми силами не добрался до Его Императорского Величества и не попытался вас освободить.

Панический ком, сжавший горло, провалился в желудок.

— Папенька?

Господи, в какую же передрыгу я попала на этот раз!

Я судорожно кивнула, поддавшись своему неуёмному любопытству: *что же на самом деле произошло?*

— Полина Константиновна, как вы оказались на месте взрыва? И откуда знали о второй бомбе? — начал допрос мужчина, даже не подумав о моем любопытстве и жажде деталей. Голос из заботливого стал деловым и жёстким.

Я тут же почувствовала себя преступницей. Он сидел напротив, раскинув длинные ноги так, что моя небольшая фигура оказалась как будто в ловушке — или в импровизированной клетке.

— Я... я не знаю, — выдохнула я, пока он не решил устроить допрос с пристрастием. Я знаю таких. Сериалы видела.

— Гадалка сказала, что нужно спасти кого-то важного, иначе миру конец. А потом... это платье, набережная... Я увидела кареты, услышала крики и поняла, что нельзя медлить. Когда заметила высокого мужчину в зеленом сюртуке, внутри что-то щёлкнуло, я обхватила его, позволив тому, что во мне бурлило, выйти наружу! А потом, бам! Появилось это странное желание — накрыть всё куполом. Я сделала это. Было так больно...

— Гадалка, значит? — Дмитрий Львович резко подался вперёд, и стул под ним скрипнул с неприятным звуком. — Почувствовали, что нужно торопиться... — повторил он мои слова с особым нажимом. — И как давно у вас возникают подобные... порывы?

Он оказался так близко, что я почувствовала на губах его горячее дыхание с мятным привкусом мороза. Вот тут я и задумалась. Скажи я, что это со мной происходит с рождения, все может стать еще хуже. В итоге я просто пожалала плечами, стараясь изобразить спокойствие и ответила:

— Сегодня это произошло впервые, — и тут же опустила взгляд на сцепленные пальцы.

Хватит уже, ваше превосходительство, не сверлите меня глазами!

После мучительно долгой паузы он наконец заговорил:

— Полина Константиновна, сегодняшней инцидент заставил Его Императорское Величество серьезно задуматься о безопасности, а также о возможностях, о которых мир еще не знает. Ваш поступок был крайне необычен — так же, как и сила, которую вы использовали, чтобы спасти государя. Приказ о вашем назначении в Тайный отдел по аномальным делам уже готовится к подписанию. И даже ваш папенька не сможет этому воспрепятствовать. Однако я посчитал своим долгом предупредить вас лично об этом.

Он растянул губы в довольной улыбке — и мне стало дурно. *Какая ещё сила? Какой ещё отдел?*

— Не хочу! — воскликнула я и резко вскочила на ноги, тут же уткнувшись в его монолитную грудь.

Генерал тоже поднялся и теперь возвышался надо мной, откровенно разглядывая с интересом...

По выражению его лица, особенно по этой самодовольной, чуть хищной улыбке, было ясно: этот упрямый солдафон не отступит, пока не добьется своего — чего бы ему это ни стоило.

Наше немое противостояние внезапно прервал громкий стук в дверь, а через секунду она с треском распахнулась, ударившись о стену.

— Моя невеста не будет служить под вашим началом, Дмитрий Львович! — раздался возмущенный голос. — Я не позволю юной и хрупкой дворянке бродить по ночным улицам и забираться в заброшенные дома — или чем вы еще там занимаетесь!

На пороге стоял светловолосый юноша лет двадцати, в блестящих сапогах и идеально выглаженной форме. Несмотря на дерзкое возражение, голос у парня еще был детским, да и он был не таким внушительным, как хозяин кабинета.

Глава 2. Кто семья Полины?

Спустя некоторое время, не выдержав моих жалоб и хныканья, генерал позволил мне вернуться в родительское поместье. Холодно бросив на прощание, что вскоре пришлет адъютанта с приказом о моем назначении.

По взглядам родителей сразу стало понятно что они бы-

ли не прочь сделать из генерала шашлык. Однако гордость и воспитание не позволили им сказать ни слова.

Я сидела в гостиной, держа в руке фарфоровую чашку с чаем, и пыталась понять как я докатилась до жизни такой и как откатить все обратно?

Под пристальными, недобрыми взглядами трех пар глаз сердце ушло в пятки. Они следили за мной, как за преступницей. Кожей чувствовала: вот-вот гром грянет. И будут мне и мир новый, и тело худое... Я почти физически чувствовала: сейчас начнётся.

— Полина, о каком указе императора говорил Дмитрий Львович, и какое отношение к этому имеешь ты? — суровый голос отца не собирался оставлять этот вопрос без ответа. Как же он похож на моего собственного папу – только не такой злой и неприятный...

Я едва успела открыть рот, чтобы попытаться что-то объяснить, как мой дорогой жених решил ответить за меня. Нервно поправив оборку платья, я наклонила голову набок и внимательно взглянула на молодого князя. Знаю его всего лишь час, а уже хочу его забыть.

— Константин Фёдорович, позвольте мне всё объяснить. А Полина Константиновна, думаю, хочет освежиться и, наконец, сменить вчерашнее платье, — заботливо предложил он, не забыв подчеркнуть, что мне не мешает умыться. — Мне удалось получить кое-какие сведения от секретаря генерала, и даже фрейлина нашей императрицы шепнула кое-

что... — его глаза заблестели при упоминании о фрейлине.
Я скривилась от догадки. Вот Кабель!

Всё моё тело, казалось, кричало о зарождающейся при-
вязанности к молодому князю. Полина любила жениха — а
мне приходится с этим бороться. Потому что мне он казался
слишком скользким.

Не терпелось узнать, какие слухи он успел собрать, но ма-
ма девушки наконец пришла в себя, убрала вышитый платок
в скрытый карман платья и, не говоря ни слова, вывела меня
из гостиной.

Признаться, мне хотелось сбежать куда угодно, лишь бы
не оставаться с этой женщиной наедине. Ведь любая мать
сердцем чувствует своего ребёнка. А я — не её дочь.

Что со мной будет, если они узнают правду? И где сейчас
настоящая Полина Константиновна? Может, она оказалась
в моём времени — в Петербурге двадцать первого века, в
моем теле?

Мне бы как-то получить её воспоминания, прежде чем нас
вернут на свои места, ведь мои знания истории ясно подска-
зывали: Александр II не пережил второго покушения. Эта
мысль прошла холодком по рукам, а затылок сковала пред-
смертная судорога.

Я изменила историю! — пронеслось в голове — Ой, что те-
перь будет?

Боже, почему я тогда вообще пошла к той гадалке? Лучше бы осталась дома и продолжала переживать свои неудачи!

Придерживая подол платья и борясь с дрожью, я поднялась по деревянной лестнице и вошла в первую дверь на втором этаже.

Хотя о жизни Полины я ничего не знала, её тело, казалось, само вело меня туда, куда надо. Я застыла на пороге, но женщина не дала мне осмотреться — мягко подтолкнула в комнату.

Она взяла молодую горничную за локоть и велела немедленно найти мою камеристку. При этом холодно добавила, что если снова услышит, будто та шляется в конюшне, — отправит ее в прачечную.

— Устала уже находить твою камеристку в обнимку с очередным конюхом... просто нет больше сил, — вздохнула она.

А потом повернулась ко мне так, что под этим взглядом даже генерал Шувалов показался бы застенчивым мальчишкой. Я вздрогнула, но заставила себя держать лицо.

Дотронулась до кровати с балдахином, украшенного нежной светлой тканью, и на мгновение вспомнила, как сама когда-то мечтала о такой. Вся комната будто подсказывала что здесь живет настоящая барышня из высшего света.

С туалетного столика взяла изящную костяную расческу с мелкими жёлтыми цветочками, распустила волосы и начала неторопливо причесываться. Хотелось как можно долъ-

ше потянуть время, прежде чем женщина решит встряхнуть из меня всю правду.

— Дай-ка сюда! — она вырвала расчёску из моих рук и пристально взглянула на меня в зеркало. — Говори правду и даже не вздумай снова врать, — тонкие брови сдвинулись к переносице, и она безжалостно принялась распутывать мою густую гриву.

Как же мы были похожи. Полина — моя точная копия, а её мать — почти отражение моей собственной мамы, только более утонченная и изысканная.

— Я не Полина, — глядя в карие глаза женщины за своей спиной, я не смогла солгать.

Не знаю почему, но она слишком напоминала мне мою собственную маму — ту, что растила и воспитывала меня, терпела все мои выходки и всегда заботилась обо мне, даже после моего отъезда из родного дома.

Сейчас это же лицо отражалось в зеркале, не давая мне ни единого шанса притвориться её дочерью.

К моему удивлению, женщина оказалась гораздо более стойкой, чем я ожидала. В обморок не упала, слёзы не хлынули.

Я затаила дыхание, ожидая, что сейчас наступит конец света. Но ничего не произошло. Женщина шумно выдохнула и с явным облегчением прошептала:

— Удалось!

Глава 3. Кто я в чужом мире?

Она опустила на кушетку и снова достала свой безупречно белый платок.

— Мы уже и не надеялись, что это станет возможным... — её взгляд изменился. — Моё имя Татьяна Михайловна Ушакова. Я мать нашей милой Полины. А как зовут тебя, дитя, и откуда ты пришла?

Она выпрямилась, стараясь скрыть волнение. Лицо стало строгим и немного надменным, голос — сдержанным и отчуждённым. Она больше не говорила со своей дочерью. Теперь перед ней была незнакомка.

Я.

— Меня тоже зовут Полина, но я из другой реальности. Вчера одна очень инициативная гадалка отправила меня в этот... временной поток, — произнесла я, стараясь сохранить спокойствие.

Мои слова повисли в воздухе, и на миг всё замерло. Мне даже показалось, будто кто-то резко вдохнул, но я не обратила на это внимания.

Пока рассказывала, волнение медленно подбиралось ко мне. Я начала ходить по комнате, пытаюсь справиться с тревогой — или просто убедиться, что всё это реально, и я действительно здесь, а не где-то под капельницей.

Пространство вокруг стало казаться ещё более чужим и неприветливым. Осознание того, что я действительно попала в другой мир, обрушилось на меня с такой силой, что перехватило дыхание. Перед глазами замелькали обрывки вос-

поминаний: лицо гадалки, холод той ночи и крики! Много голосов и запах крови. Я зажмурилась чтобы не заплакать.

Меня словно выворачивало изнутри — от пережитого страха и боли.

Я едва не согнулась пополам, прижав руку к животу, пытаясь хоть как-то удержать себя и не потерять контроль.

— Полечка... Полина, присядь, прошу тебя! — в голосе Татьяны Михайловны прорезалось беспокойство. Наверное уловила, что меня накрывает истерикой. — Сколько же тебе лет, милая?

— Двадцать два, — выдохнула я, заставив себя дышать ровно. Я ощутила странную, чужую слабость, будто тело не до конца принимало меня. Это явно было ненормально. Меня как будто впихнули в платье не по размеру.

Сомнение нарастало, как и гул в ушах. Я снова взглянула на своё отражение в зеркале, на блеск незнакомых глаз, на тонкую линию губ — всё было... не моим, но похожим.

— Что случилось с вашей дочерью? И как вы это всё устроили? — выпалила я, прежде чем успела подумать.

Интуитивно, будто сам воздух подсказывал, что делать, я положила ладонь — тонкую, изящную — на солнечное сплетение, надеясь на миг почувствовать настоящее, живое биение моего сердца.

— Встань, душа, на место. Позволь хозяйке жить... — прошептала я, и это были больше, чем просто слова. Я при-

менила свою силу.

По телу пронеслась горячая волна, а из горла вырвался стон облегчения. Перед глазами вспыхнули золотистые искры, осветив тусклую комнату. Мне показалось, что внутри тела Полины что-то дрогнуло, исправилось.

Мать побелела лицом от моей выходки. Её глаза расширились, будто она увидела нечто, что видеть не должна.

Татьяна Михайловна что-то воскликнула, но я уловила только ее тревожный тон.

Мне вдруг стало легко. Тепло и спокойно, как будто с плеч упала тяжёлая цепь. Внутри разлилось чувство уверенности — такой, что хоть сейчас можно в бой идти и брать крепость.

Я почувствовала себя настолько лучше, что, заметив молодую девушку с косой до пояса и опущенным взглядом, спокойно попросила её помочь мне переодеться и выбрать самое удобное платье.

Белый резной шкаф открыл передо мной наряды XIX века. Удобными их не назовешь, но выбора, похоже, особо и не было.

— Татьяна Михайловна, прошу вас, не заставляйте наших кавалеров долго ждать своих дам, — произнесла я, обернувшись так, чтобы камеристке было удобнее надеть на меня турнюр — тот самый каркас, придающий силуэту нужную форму и изящную выпуклость сзади.

Честно говоря, я почувствовала облегчение: наконец-то

мой дар оказался мне во благо, а не во вред, как бывало раньше. Пока я мысленно ликовала, камеристка уже успела затянуть корсет, подчеркивая стройную фигуру Полины.

— Зачем вы так поступили? — раздался за спиной голос Татьяны Михайловны, полный упрёка. — Гадалка клялась, что чужая душа исцелит тело моей Полиночки, и тогда мы сможем вернуть её обратно. А теперь что нам делать? Вы все испортили! — в её голосе дрожала боль и обида.

Но во мне это не вызвало ни капли сочувствия.

Я резко обернулась. На лице матери — поднятые брови, сжатые губы и бледные щёки.

— А вы хоть раз подумали, каково будет мне в этом чужом мире? Что будет с моим телом? Как вы вообще можете быть такими эгоистичными? — выпалила я. — Боюсь, ваша дочь не справится с моей жизнью. У неё нет опыта вести дела в таком масштабе и выживать одной в многомиллионном городе.

— Вы... деловая женщина? — ахнула она, выхватив веер и начиная обмахиваться с удвоенным рвением.

Я раздражённо цокнула языком. Зачем я вообще всё это ей говорю? Ведь и так ясно — она привыкла думать только о себе.

— А что об этом скажет ваш муж? — наконец решила выяснить я, с кем именно мне придется иметь дело, пока не найду способ вернуться домой.

— Он ничего не знает и знать не должен. Он вообще не

верит во все эти «небылицы» про колдовство! — отмахнулась она, а потом добавила жёстко: — И даже не вздумайте ему что-то рассказывать. Всё равно не поверит, а заодно запрёт вас в этой комнате до конца дней.

Но я не поверила. Слишком это дама эгоистична, чтобы тайны одной тащить за собой. Ладони зачесались – как всегда, когда мне в лицо врут.

Камеристка, о которой мы напрочь забыли, испуганно ахнула и что-то уронила.

— Марфа! Будьте добры объяснить, почему я вынуждена созерцать ночной горшок моей дочери в разгар серьёзного разговора? — с негодованием обрушилась на неё Татьяна Михайловна.

— Простите, мадам, но Константин Фёдорович велел срочно спуститься. К нам прибыл генерал Дмитрий Львович, — затараторила служанка. Я заметила лукавый блеск в её глазах.

Значит, пришла с поручением, но из любопытства выжидала, и подслушивала что затеяла хозяйка, и только после выговора вспомнила, зачем вообще здесь.

Вот лиса!

Я с интересом посмотрела на светловолосую, розовощёкую девушку и подумала, что из неё можно будет многое вытянуть. Сплетники ведь всегда все знают. Им некогда прожить свою жизни – они за чужими гоняются.

— Ах, Боже мой! Да вы и правда хитрюга, — вздохнула Татьяна Михайловна, слегка приподняла подол платья и с изяществом покинула комнату.

Я осталась, чтобы немного прийти в себя после тяжёлого разговора, и позволила лисице Марфе привести меня в порядок. Сейчас я — дворянка, и этикет обязывает.

Мысли о том, что я завишу от чужих людей, и о женихе, который, скорее всего, с нетерпением ждёт свадьбы, вызывали лёгкую грусть. Мне хотелось независимости. Хотя на время — уехать от всего этого высшего света, собрать информацию и понять, как вернуться в свой мир.

К счастью, мой дар снова пришёл на выручку. И вскоре я нашла занятие, которое позволило сделать первые шаги к цели.

Глава 4. Новая работа

— Ваше мнение не превосходит имперскую безопасность и жизни людей, оказавшихся в беде, — тихо, но твёрдо осадил моих родителей Дмитрий Львович.

Понятное дело, какой родитель захочет, чтобы его дочь, юная девица на выданье, работала? Это же какой позор для высшего общества! Семью начнут обсуждать на всех балах и светских раутах. Пока родители отчаянно пытались сохранить своё достоинство перед императорской волей, жених, видимо, принял какое-то решение и, кивнув в знак прощения, вышел из комнаты.

Скрыть разочарование у меня не получилось. Было обидно и за юную Полину, и за себя — ведь не сказала ему раньше, что не собираюсь выходить замуж и пусть он ищет себе другую невесту.

Собрав волю в кулак, я задала самый важный вопрос. Мне нужна эта работа, а ещё больше — свобода от родительской опеки. Раз жених ушёл, остаётся надеяться на генерала Шувалова. Это моя очередная попытка начать всё сначала и устроить свою жизнь. С моим проклятием мне, возможно, никогда не суждено познать семейное счастье, так почему бы не попытаться стать полезной?

— Дмитрий Львович, не могли бы вы подробно объяснить, в чём именно будет заключаться моя служба и чего следует ожидать юной, незамужней барышне, когда об этом станет известно всему свету? — обратилась я к нему, осознавая, что мой ум ещё не до конца адаптировался к местным правилам этикета, и некоторые выражения казались неуместными для этой эпохи. Но тут же напомнила себе, что этот мир давно отклонился от привычной мне временной линии.

— Полина! — папенька буквально подскочил на месте и невольно провёл рукой по своим роскошным усам. — Даже не смей говорить о подобной возможности! Ты — дочь уважаемого дворянина, который своими заслугами перед императором заслужил свой титул. Моей преданности более чем достаточно, чтобы не позволить тебе ступить на путь бесчестья и превратиться в рабочую даму! — с жаром заявил Кон-

стантин Фёдорович.

Я невольно позавидовала твёрдости характера и железной выдержке генерала — он совершенно проигнорировал пыльные возмущения моего отца. Казалось, что всё его внимание было сосредоточено только на мне. Его взгляд буквально пронзал моё лицо, словно он пытался найти ответы на свои скрытые вопросы.

— Мы покинем столицу. Для нашего отдела выделено отдельное поместье со спальнями для всех сотрудников. И, чтобы сразу ответить на ваш неизбежный вопрос: да, там будут и другие особо одарённые люди, в том числе и мужчины, однако о девичьей чести беспокоиться не стоит. Вместе с нами в поместье будет проживать уважаемая дама преклонных лет, которая проследит за соблюдением правил, — генерал наклонился чуть ближе, и его блестящие кожаные сапоги зазвенели, — Кроме того, его величество император Александр II доверил мне самостоятельно решать вопросы оплаты труда сотрудников и распределения рабочего времени. Что касается еды и прочих удобств, можете быть спокойны — специально подобранные люди позаботятся обо всём. И что особенно важно, они чрезвычайно молчаливы. Надеюсь, вы осознаёте, как важна скрытность в нашей работе.

Он повернулся к моим родителям, и те, впечатлённые его словами, синхронно кивнули. Мы сидели на небольших диванчиках, обтянутых цветочным шёлком, переваривая услышанное.

— Пойду распоряжусь, чтобы Марфа подготовила твои и свои вещи, — наконец, Татьяна Михайловна поднялась и вышла из гостиной.

Так, за каких-то несколько часов, моя судьба была решена. И вот теперь я еду в карете с генералом и Марфой, не имея даже возможности как следует обдумать всё происходящее. Карета подпрыгивала на каждой кочке, словно старалась выбить из нас дух.

Я плотнее закуталась в пальто с рукавами-фонариками и, как всегда, привычным движением хрустнула костяшками пальцев. Сердце трепетало где-то в горле, и мысли не давали покоя: что же ждёт меня в этом поместье и кто из «одарённых» уже обосновался там?

Прикрыла глаза, чтобы избежать пристального взгляда генерала, который, не смущаясь, продолжал изучать меня, медленно скользя взглядом от моих губ к глазам.

И тут меня накрыло мрачное видение. Сквозь густую чащу засохшего леса пробиралась юная девушка в белой ночной сорочке, подол которой был заляпан алыми пятнами. Она плакала и отчаянно звала кого-то, а её боль и безысходность обрушились на мой разум, словно ледяной прилив. Мне стало так холодно и мучительно, что хотелось завывать, как раненый зверь.

— Полина Константиновна! — большая ладонь мягко легла мне на плечо, передавая тепло чужого тела. — Что с вами? — в голосе Дмитрия Львовича звучала неподдельная трево-

га.

С трудом открыв глаза, я встретила с его ясным взглядом, обрамлённым густыми ресницами. Губы мужчины были плотно сжаты, а скулы такими острыми, что смотреть на них было почти больно.

— Всё... всё в порядке. Просто приснился кошмар, — смущённо пробормотала я, растерявшись от такого внимания и силы, исходящей от него. Генерал был взрослым, сильным мужчиной — совсем не похож на тех юнцов, с которыми я привыкла общаться.

— Кошмар или ваш дар снова пытался что-то сообщить? — мужчина вернулся на своё место, тяжело вздохнув, словно его что-то беспокоило.

Оставив вопрос генерала без ответа, я выглянула в окно и едва не вскрикнула, увидев перед собой лес из моего кошмара. А вдалеке мелькнуло белое пятно, которое тут же растворилось в темноте.

Глава 5. Мой новый дом

Я уже собиралась спросить у генерала, не видел ли он того же что и я, но момент был упущен.

— Барыня, нам ещё долго ехать? Умоляю, скажите, куда мы так спешим? — наконец не выдержала Марфа.

Я вздохнула и потеряла переносицу, раздражённо отметив про себя едва заметную усмешку в уголке губ генерала. Затем повернулась к Марфе и начала объяснять ей наше новое положение.

На вид ей было не больше двадцати — в ней кипела юность, жажда жизни... Пока какой-нибудь конюх или лакей не вскружит голову и не оставит с кучей ребятишек.

Марфа напоминала мне девушек которых называли “Кровь с Молоком” с толстой косою и немного наивным взглядом. Но я почти уверена: со временем эта юная искренность угаснет, и в её весёлых глазах поселится грусть... и обреченность.

— Марфа, — вздохнула я с лёгкой грустью, пристально следя за её реакцией. Мне срочно нужно было выяснить, на что способна моя спутница, особенно учитывая, что её отравила моя маменька, которая так отчаянно хочет вернуть меня домой. Подумала и немного схитрила: — Маменька сказала, что ей надоела твоя болтливость и попросила взять тебя на новое место, чтобы ты за мной ухаживала и помогала обжиться, — проговорила я с ленцой, стараясь изобразить избалованную дворянку.

— Это неправда! Барыня сказала совсем другое! Она велела сопровождать вас и следить за каждым вашим шагом, а если что-то случится — немедленно отправлять донесения обо всём, что увижу и услышу, — выпалила Марфа, но мгновенно осознала, что выдала все свои секреты.

Она резко прикрыла рот руками, а её глаза округлились от шока. Похоже, никто не ожидал такого откровения от камеристки, кроме, разве что, генерала. Мужчина слегка склонил голову, задумчиво наблюдая за происходящим.

— А может, я и не ошибся... — пробормотал он.

Поместье представляло собой величественный особняк, окруженный золотыми кронами деревьев и заброшенным зимним садом.

Здание в готическом стиле XIX века впечатляло арочными окнами, изящными каменными деталями и сложной архитектурой, придававшей ему зловещий вид.

Дальнейший путь прошел в молчаний. Слава Богу!

К дому вела широкая лестница, упирающаяся в тяжелые массивные двери. Осенние желтые листья украшали ветви деревьев и устлали землю, создавая яркий контраст с мрачной тишиной вокруг.

Легкий туман стелился по ступеням, обволакивая всё мягкой дымкой и усиливая ощущение загадки — будто за этой дверью скрывается нечто из другого мира.

Карета только остановилась у подножия лестницы, как из-за угла вышел мужчина в тулупе и потёртых сапогах — явно слуга. Но взгляд привлекла не одежда, а кожаная маска, закрывающая половину его лица.

— Ваше превосходительство, — поклонился он и с неожиданной ловкостью принялся за наши чемоданы.

Вот такой персонал выбирает генерал — те, кого общество привыкло обходить стороной. Впрочем меня тоже сторонились до недавних событий. Искоса посмотрела на мужчину у которого на меня похоже были долгоиграющие планы и ни капли страха к старым устоям этого мира.

Из задумчивости вывел окрик.

— Ой, мамочки! — вздрогнула Марфа и тут же спряталась за моей спиной, широко раскрыв глаза от страха.

Я шикнула на Марфу, слегка покраснев, заметив понимающий взгляд мужчины в маске. Стало стыдно за поведений служанки.

— Прошу вас, Полина Константиновна, это ваш новый дом и, по совместительству, отдел загадочных дел империи. Ваша комната на втором этаже, как и все женские. Мужчины размещены на третьем, — спокойно объяснил генерал.

— А ваша комната где? — неожиданно для себя выпалила я, словно в меня вселилась Марфа.

— Моей комнаты в этом доме нет, Полина Константиновна. И прошу не задерживать наших сотрудников. Я уверен, что все уже с нетерпением ждут знакомства с вами, — спокойно ответил генерал.

Я смутилась и опустила глаза. В этом странном мире так остро хочется ухватиться хоть за что-то надёжное, например знать с кем буду работать. Почувствовав на себе его пристальное внимание, я не выдержала и, поспешила в особняк.

Почему он не может отвести от меня взгляд? Каждый раз, когда я пытаюсь узнать и понять странного мужчину, чувствую его силу и непонятный пока зов... Но генерал надевает маску — властного и недостижимого мужчины и все быстро прекращается.

А знал ли он Полину до того взрыва? Мысль о том, что

у этих двоих могло быть общее прошлое, прошлась по моей спине, словно холодный щупальца.

Я резко тряхнула головой и уставилась на незнакомую женщину.

— Добрый вечер, сударыня. Меня зовут Варвара Николаевна. Надеюсь, мы с вами поладим, — произнесла женщина в черном, с легкой надменностью спускаясь по деревянной лестнице со второго этажа. Двигалась она грациозно, уверенно, словно каждый ее поворот головы был заранее отрепетирован.

— Добродетельная вдова Варвара Николаевна, позвольте представить вам нашу новую сотрудницу — Полину Константиновну Шуйскую, — с глубоким уважением произнес генерал, склонившись, чтобы поцеловать руку даме.

В гостиной нас уже ждала любопытная компания из трёх человек. Они разглядывали меня с тем же интересом, с каким я смотрела на них. Двое мужчин и одна девушка расположились каждый по-своему: кто-то устроился на диване, кто-то лениво прислонился к широкому подоконнику арочного окна.

В горле пересохло от урагана сдерживаемых эмоций. Я уже была готова приступить к знакомству с коллегами, но внезапно на меня снова обрушилось видение, и мир вокруг погрузился во мрак.

Глава 6. Первое дело и без меня?

— Ох, барыня, как же так? Ваша матушка точно рассер-

дится, когда узнает, что вы при любом удобном случае в обморок падаете! — причитания Марфы напоминали гвозди, ржавые и кривые.

Как же камеристка умело расставляла акценты так чтобы я выглядела недалекой. Вот же юная нагайна!

— Помолчи, Марфа! Ради бога... займись делом! — охладил её стенания другой голос вошедший в комнату.

В сравнении с голосом Марфы этот звучал мягко и успокаивающе, словно ложка мёда, растворённая в утреннем чае. От его ровного тембра даже головная боль отступила.

— Чем именно? — взвилась Марфа на старушку, явно недовольная тем, что ей указывают, что делать.

Вот что значит, когда амбиции не соответствуют положению в обществе. А в этом обществе женщине ещё тяжелее отстоять свою независимость. Хотя, я бы сказала, что эта ветка времени, похоже, откололась от основной. А что, если в этом царстве, женщины быстрее обретут равноправие и смогут работать, несмотря на социальный статус?

Эх, мечты.

Тем временем мудрая женщина всё-таки сумела спроводить молодую истеричку, и когда мы остались наедине, положила теплую, сухую ладонь мне на лоб.

— Давай, девочка, приходи в себя. Знала бы ты, как я рада узнать, что не одна обладаю пророческим даром. Хе-хе! — хрипло рассмеялась она.

Признаюсь, мне не хотелось даже вспоминать ту неясную

картину, что я видела в обмороке. Это как сон: ты видишь непонятные события, где всё перемешано, но не можешь ни кричать, ни бежать, ни что-то изменить. Сон как клетка.

В этот раз я снова оказалась в чужой жизни, и там всё было далеко не радужно. События были еще более запутанными, и на этот раз я видела то, что даже представить не могла бы.

— Вы целительница? — хриплым голосом спросила я, садясь на мягкую и широкую кровать. Интересно, кто меня сюда принёс?

— Да нет, милочка! Я слабая целительница, едва лечу легкие недуги. Не то что наша Аннушка.

Сделала себе пометку о даре Аннушки, но спросила то, что меня больше всего волновало.

— Скажите, как вы контролируете эти... ведения? — мне совсем не хотелось падать в обморок в любой момент дня и ночи.

А если свалюсь с лестницы?

— Пока никак. Ты должна благодарить свой дар, служить ему, тогда и он будет прислушиваться к тебе, — устало отозвалась Варвара Николаевна и с трудом поднялась со стула у изголовья кровати.

Кажется что после того как вылечила мою головную боль ей самой надо было отдохнуть.

Сейчас она выглядела так, будто ей сто лет, хотя совсем недавно бодро спускалась с лестницы.

— Пойдите! — я быстро вскочила с кровати и поддер-

жала падающую женщину. Мушки запрыгали перед глазами, но я проигнорировала их. — Прилягте, я спущусь и позову лекаря. Вы так ослабли из-за меня? Я ведь чувствовала, как адская головная боль постепенно отступает...

— Не нужно никого звать. Полежу немного, и всё пройдёт, — сказала она с такой уверенностью, что я не посмела возразить.

Во-первых, я сама не знала, чем ей можно помочь, а во-вторых, женщина жила с этим даром всю свою жизнь, ей виднее.

Я кивнула и направилась к массивному резному шкафу, чтобы переодеться. Сменю походное платье и спущусь вниз.

То, что я увидела в ведении, требует разъяснений. Надеюсь, в окрестностях нет семьи с юной дочерью, которую скоро выдадут замуж, обманут, и проведут странный ритуал, из-за которого она будет бегать по лесу в багровой сорочке.

— Полина Константиновна, как вы себя чувствуете? И позвольте узнать, помогла ли наша дорогая Варвара Николаевна? Кстати, а где она?

— Варвара Николаевна очень мне помогла, и это далось ей нелегко. Думаю, несколько минут отдыха ей будут только на пользу. Простите, что так внезапно потеряла сознание, признаюсь, не привыкла к таким... проявлениям.

— К каким? — на секунду на лице генерала появилась непроницаемая маска.

— К обморокам, — поправила я и мысленно велела себе быть осторожнее с выражениями. — Не знаю, будет ли это хоть немного важно, но я должна рассказать вам, что видела... — замялась, так как не привыкла делиться своими впечатлениями с посторонними.

Сделала глубокий вдох.

Но генерал удивил.

Он не закатил глаза, как другие мои знакомые, и не соорил сочувственную мину. Вместо этого, мужчина просто наклонил голову набок и терпеливо ждал, пока я набираюсь смелости.

— Я видела молодую девушку, бегущую через рощу, а затем меня перенесло в роскошный дом. Это был не особняк, но тоже богатый. Внутри было много красного шёлка, а посреди комнаты стояла бледная женщина с синим горлом. Да, знаю, что это может звучать как девичьи фантазии, но, Дмитрий Львович, поверьте, я чувствовала их страх и отчаяние! Даже я, после того как... кхм, — замялась подбирая слова чтобы сойти за разумную. — Не смогла бы передать весь тот страх, который поселился в глазах той дамы, — так непривычно когда слушают и не сплевывают три раза через правое плечо.

После моих слов в холле дома воцарилась тишина, словно всё замерло в ожидании решения генерала.

Я задержала дыхание, осознав, как нелепо это выглядит для здравомыслящего человека. Не хотелось, чтобы меня от-

правили в дом для душевнобольных. Только не это!

— Карета подана, ваше превосходительство! — в комнату ворвался тот самый мужчина с маской на половину лица, разгоняя гнетущую тишину.

— Наденьте своё пальто, Полина Константиновна, мы направляемся в тот самый дом из ваших видений.

От неожиданности я подпрыгнула на месте и устремилась на второй этаж, но тут же вспомнила, что видела знакомое пальто на вешалке в коридоре. Быстро накинула его на плечи и, не мешкая, вышла на улицу.

Рядом с возницей сидел старичок с заплаканными глазами, благоговейно глядя на генерала. Я тоже посмотрела в его сторону. Дмитрий Львович был мрачнее тучи.

Размышляя о своем, он подал мне руку, помогая сесть в карету. На этот раз она была меньше, без герба и опознавательных знаков.

— Поехали! — скомандовал он, и, видимо, приняв какое-то решение, начал рассказывать вкратце куда мы спешим.

— Признаюсь, до этого мне не доводилось работать с женщинами, после смерти моей... — он резко осёкся, отвернувшись, но затем продолжил рассказ. — Полина Константиновна, в том доме, куда мы направляемся, мало кто знает о потусторонних силах и людях с особыми силами. Поэтому я рекомендую не вступать в диалог, если не уверены в своих словах, и делиться предчувствиями только со мной. Лю-

ди бывают чрезмерно жестоки, когда не понимают, что происходит. Паника и страх — не лучшие советчики, так что держитесь рядом со мной. Надеюсь, это будет единственный раз, когда вы работаете со мной, а с завтрашнего дня я распределю вас в группы по два-три сотрудника.

Я ожидала ещё каких-то подробностей или хотя бы лёгкой беседы, но он не видел смысла тратить слова зря. Просто выпрямился и устремил взгляд в окно.

А у меня руки мелко дрожали и в горле пересохло от волнения. Меня взяли на настоящее задание, и, возможно, это мой единственный шанс показать себя. А ещё я очень надеялась что помогу той девушке.

Но снова накатила дурнота от будущих ведений. Как это вообще работает?

Каждый раз, когда кто-то рядом оказывается в беде, мой дар настойчиво показывает мне хаотичные события? И не успокоится, пока я не вмешаюсь?

О, Боже! Так можно всю жизнь провести в обмороках. Ведь не каждый человек признается, что с ним случилось нечто постыдное. А вот в том, что в доме купца произошла некая постыдная ситуация, которая привела к таким странным событиям, я даже не сомневалась.

Сжав кулаки, чтобы хоть как-то справиться с эмоциями, я тоже взглянула в маленькое окно кареты.

Глава 7. Шёлковая улыбка

Когда прибыли на место, я спустилась на чистую дорожку

перед домом, совершенно забыв, что здесь принято, чтобы даме подавали руку.

Но, кажется, генерал даже не заметил этого промаха.

Облегченно выдохнула и поспешила за начальником. Платье Российской Империи требовало от женщины куда больше усилий, чем любые брюки. Интересно, сложно ли здесь будет достать швейную машину?

Я уже почти подалась мечтам о новом гардеробе, как вдруг вздрогнула, заметив перед собой протянутую руку в белой перчатке.

— Полина Константиновна, вам нехорошо? — спокойный голос Дмитрия Львовича прозвучал отстраненно на фоне моих витающих в облаках мыслей.

— Н-нет, всё в порядке, — выдавила я, стараясь казаться уверенной.

Но под его пристальным взглядом ощутила себя так, будто этот мужчина видел меня насквозь.

– Бр-р!

К счастью, нас отвлек слуга. Он низко поклонился и повёл нас по тёмному коридору в гостиную, где окна были надёжно занавешены плотной, тяжёлой тканью.

Я бросила вопросительный взгляд на начальника, но не смогла понять, что он чувствует — лицо оставалось непро-

нищаемым.

— Ваше превосходительство, прошу простить за столь скромный прием... — из кресла у окна устало поднялся высокий мужчина.

Лицо мужчины скрывалось в полумраке, но мерцающие отблески на его шее невольно навевали тревожные мысли. Хозяин дома выглядел встревоженным. Слегка дрожащей рукой он поднял канделябр с двумя свечами и медленно направился к нам. Когда свет скользнул по его лицу, я с трудом сдержала крик и невольно отступила назад.

Дмитрий Львович тут же удержал меня за локоть, не дав скатиться в панику. Его горячая рука как будто держала меня на плаву.

— Что это?.. — пискнула я, не в силах отвести взгляд от приближающегося хозяина дома.

— Наша работа, — спокойно прошептал на ухо начальник.

А потом заслонил мне вид на чудище.

— Барон Штиглиц, — произнёс он уже громче, обращаясь к мужчине, — ваш слуга настаивал, чтобы я прибыл лично и помог вам разобраться со “странностями”, которые, как мне сообщили, затронули вашу семью.

Под рёбрами болезненно заныло от услышанного. Я начала улавливать чужие эмоции — и они мне категорически не нравились.

— Где сейчас находятся ваша супруга и дочь? — продол-

жил генерал.

Говорил он с такой спокойной уверенностью, словно перед ним стоял вовсе не человек с изуродованным лицом.

Преодолевая нарастающий страх, я всё же склонилась вперёд, чтобы снова взглянуть на лицо хозяина. Это был тот самый гипнотический ужас, от которого невозможно отвести взгляд.

Наши взгляды встретились. Его — тёмный, тревожный, как омут. Я вздрогнула и пискнула.

— Полина Константиновна, присядьте, — к счастью, вмешался генерал. — Пока наш любезный хозяин будет рассказывать, что произошло с его семьей и почему послал за нами.

Судорожно кивнув, я опустилась на мягкий, обтянутый бархатом диванчик. Теперь мне стало понятно, почему в доме царил полумрак — кто бы захотел видеть не человека, а шелковую куклу в парадном костюме хозяина?

Красная ткань заменяла ему кожу, тёмные прорезы служили глазами, а рот, зашитый белой нитью, придавал его лицу зловещий, почти издевательский вид.

— Я пугаю вас? — спросил господин Штиглиц, наклоняя голову набок, точно хищник, почуявший слабость. Он внимательно наблюдал за мной, не мигая.

— Да. Пугаете, — честно призналась я, не пытаясь юлить. — Но... я чувствую к вам не только страх, — добавила тише и попыталась прислушаться к тому, что рождалось внутри. Истина, что ускользала, оставляя после себя только страх.

— Мы вас внимательно слушаем, барон, — прервал нашу "дружескую" беседу генерал, возвращая разговор в русло официальности.

Он будто пытался отгородить меня от дурного — и одновременно дать пространство, чтобы я могла проявить свою силу. Изучал. Оберегал. Это было... странно.

— Пусть будет по-вашему, — барон Штиглиц опустился в кресло напротив, словно кукла, послушно заняв отведенное место. Он потянулся к трубке на столике, но, словно спохватившись, резко отдернул руку.

— Полина Константиновна, что вы видите? — генерал наклонился ко мне, стараясь в свете свечей уловить выражение моего лица.

От пристального взгляда мои ладони вспотели. А вдруг я ошибусь и пострадает невинный человек?

Хотя, глядя на тени, скользящие вокруг хозяина дома, внутренний голос подсказывал, что его невинность под большим вопросом.

— Шёлковая... У хозяина дома шёлковая улыбка... — прошептала я, всё ещё сомневаясь, правильно ли поступаю.

— Шёлковая? — удивлённый голос прозвучал совсем рядом.

И только тогда я поняла: генерал, похоже, не видит того, что вижу я.

— У барона Штиглица лицо, словно обтянутое красным шёлком. Но, думаю, вы и сами это прекрасно знаете. Не так

ли, барон? — мои слова прозвучали неожиданно твёрдо. В груди сила зашевелилась, как непослушная кошка. Перед глазами зарябило — и на миг показалось, что я действительно вижу багровое лицо мужчины. — Только не понимаю, какие события могли вас так изменить...

Как всё ново! Как всё необычно в этом новом мире!

— Как вы узнали про...про?! — воскликнул хозяин дома. — Я думал, только моя семья видит то чудовище, в которое я превратился. — стиснул подлокотники с такой силой что те жалобно заскрипели.

— Наверное вас таким видят те, кому вы причинили боль... — а я чувствую всю эту боль.

— Ваше превосходительство, со мной произошло нечто... выходящее за пределы человеческого понимания! — он заговорил взволнованно. Наверное Штиглицу сильно не понравился мой ответ. — Как только я ступил на родную землю после долгого плавания, ощутил нечто тревожное. Но тогда решил: усталость, морская пучина, пустяки... — на миг он замолчал, будто что-то вспоминая. — Мои моряки выглядели куда бодрее, и я, передав все необходимые распоряжения, сел в карету и отправился в родовое имение. А буквально позавчера, сразу после вестей о спасении нашего государя, началось нечто странное...

Он понизил голос.

— Супруга заявила, что во сне к ней явилась заморская

дева... и сказала, будто она носит моего бастарда.

— Это правда?! — не сдержалась я.

— А затем и дочь отказалась выходить замуж за вполне достойного человека — моего делового партнёра, — добавил барон, проигнорировав мой вопрос. У аристократов, как известно, своя правда.

— Ох уж эти женщины... — с досадой вздохнул он. — Только дай повод — и вот уже истерика на ровном месте.

Он раздраженно пожал плечами:

— На следующий день у супруги появились странные ссадины на шее, хотя, клянусь, я и пальцем её не тронул! А к обеду... мы не смогли достучаться до Акулины. Слугам пришлось взломать дверь. Комната была пуста. На кровати — разорванное свадебное платье, а на полу... кровавые следы.

Барон сжал кулаки.

— Видимо, ночью у неё случилась истерика. Сбежала через окно, поранившись о стекло. И какой позор обрушится на мою семью, если завтра эта девчонка не вернётся! — Он с силой ударил по столику, не заметив, как отлетела ножка.

— Мы обыскали весь дом, опросили всех подруг. Все, как один, клянутся, что давно её не видели. Даже сын молочника

покаялся, будто не общался с ней уже несколько дней.

Он резко перевёл взгляд на меня и Дмитрия Львовича:

— Помогите найти её! Слуга уверял, что вы — лучшие в своём деле, и я не рискую репутацией, — его голос дрожал от переполнявших эмоций.

Но, странное дело, я не могла отделаться от ощущения, что речь шла вовсе не о страхе за дочь.

Глава 8. Предатель!

Барон беспокойно шагал по комнате, нервно касаясь кармана брюк, словно пытаюсь найти в этом жесте успокоение.

— А где сейчас ваша супруга? — холодно осведомился генерал, будто не замечая тревожного состояния хозяина. Его голос звучал отстраненно, уже, казалось, просчитывая возможные шаги.

— Заперлась у себя в покоях и наотрез отказывается выходить, — барон раздраженно выдохнул. — Её, похоже, меньше всего волнует предстоящая свадьба дочери. Она... одержима какой-то идеей о родовом проклятии.

Он невесело усмехнулся и, не выдержав взгляда, отвернулся, будто укрываясь в тени:

— Обвиняет меня в неверности. Снова.

Меня до дрожи пугал этот жуткий шёлковый облик барона — казалось, на меня смотрит сам дьявол.

— Вчера я видела ту девушку в лесу... Её подол был в крови. Что, если...

— Не сейчас, Полина Константиновна, — резко оборвал меня Дмитрий Львович, вскинув руку.

Смягчившись, он добавил:

— Нам пора.

Затем, взглянув на барона холодно и отстранённо, приказал:

— Мы попробуем выяснить, кто мог видеть вашу дочь. Но сначала приведите к нам вашу супругу.

Не прощаясь, мы поспешили к карете.

— Но ведь та девушка... — я едва сдерживалась, чтобы не схватить начальника за лацканы и не закричать: «Мы должны немедленно ехать в лес и искать её!»

— Полина Константиновна, — его негромкий, но весомый тон заставил меня мгновенно замолчать.

Мы сели в карету, и в этом тесном пространстве я особенно остро ощутила собственную неуверенность — рядом с таким сильным и уравновешенным мужчиной.

— Сейчас вы ещё не умеете чётко отделять ведения от реальности, — продолжил он спокойно. — Подумайте сами: если "чёрная роша" — не место, а лишь образ, рождённый вашим восприятием? Вы ведь сами слышали, что девушка сбежала ночью. Значит, никак не могли видеть её накануне вечером.

Он помолчал, давая мне осмыслить сказанное, и добавил:

— Кроме того, нам предстоит обсудить дело с остальными. И стоит выяснить побольше о так называемом родовом проклятии госпожи Штиглиц. — он посмотрел мне в душу. — Я верю в ваши способности, Полина Константиновна. И готов к ним прислушиваться. Но и вы должны научиться доверять моему опыту — опыту работы с тем, что не вписывается в рамки обыденного.

— Да, генерал, вы правы, — выдохнула я, с трудом подавляя раздражение. Вспомнила, что мой опыт общения с представителями высшего света весьма скромнен, а по всем правилам я вообще должна была бы падать в обморок от подобных разговоров, а не спорить.

— Полагаю, мои двадцать два года не выдержат честного поединка с вашим многолетним опытом, — нехотя признала его превосходство.

Но, судя по кривой усмешке, генерал не оценил мою попытку сохранить мир. Мужчина замкнулся, отвёл взгляд — и больше даже не пытался взглянуть в мою сторону.

А мне ведь уже начинало казаться, что мы могли бы стать друзьями.

В особняке нас уже ждали.

— Ваше Превосходительство, разрешите задать смелый вопрос? — вперёд шагнула девушка с двумя длинными косичками, небрежно перекинутыми через плечи.

Веснушки на её щеках тут же пробудили во мне тёплые

воспоминания о подруге детства, которая каждую весну все-рьёз страдала из-за них.

— Спрашивайте, — коротко бросил Дмитрий Львович, направляясь в свой кабинет.

Мы без лишних слов двинулись за ним, словно ведомые пастухом.

Волнение девушки передалось и мне. Я заметила, как побелели её пальцы, сжимающие подол, и невольно сглотнула. Что ещё могло случиться, пока мы были в особняке барона?

— Анна, я тебя слушаю, — спокойно сказал Дмитрий Львович, опускаясь за массивный письменный стол. Его движения были уверенными и точными: перо скользило по бумаге с такой лёгкостью, что я поймала себя на мысли — как же я сама буду с этим справляться?

— Последние несколько дней были полны тревог, — начала Анна, стараясь держать голос ровным, но в нём уже звучала злость. — Но скажите, разве могут нанести вред всей империи всего несколько странных людей с... необычной силой? Я думала, что нашла здесь хоть какую-то опору, пусть даже временное убежище и работу. Как бы нелепо это ни звучало. А теперь выходит, что вам нужна лишь одна из нас...

От последнего предположения у меня вспыхнули уши. Анна завидовала и боялась одновременно. И я не могла её осуждать — сама, будь на её месте, испытывала бы те же чувства. Наверное.

Мы остановились перед широким столом генерала. В ком-

нате, помимо меня и Анны, находились ещё трое мужчин. Мне сразу захотелось узнать их ближе, кто они и почему здесь. Слова Анны отзывались в моей душе — ей, как и мне, было нужно больше, чем просто работа. Ей нужна была защита. Уверенность. Дом.

На первый взгляд, мужчины были очень разными. Один, был старше моего отца, другой — мой ровесник, третий — и вовсе юнец, годившийся мне в младшие братья. У каждого — свой взгляд, но всех объединяло что-то неуловимо общее: достоинство, скрытая сила и едва уловимое напряжение. Пока что нас объединяло только это — да общее непонимание, во что мы оказались втянуты.

— Дамы и господа, — начал Дмитрий Львович, и голос его прозвучал твёрдо, без излишней торжественности. — Прошу прощения за суматоху последних дней. Поверьте, всё это не напрасно. Некоторые события заставили тайны нашего мира выйти наружу. Отчасти я сам оказался в их эпицентре. Но — и это важно — спасение нашего императора далось нам слишком дорогой ценой.

Он сделал шаг вперёд, медленно обводя нас взглядом.

— И именно поэтому было бы глупо оставить таких, как вы, на милость страха толпы. Или вы всерьёз полагаете, что при первом же всплеске вашей силы люди просто махнут рукой и спокойно пойдут дальше?

Он замолчал. Взгляд его стал резче, словно прицелился.

— Что ж... перемены никогда нас не ломали. Они лишь

закаляли. А теперь, — он отступил чуть назад, — позвольте представить вас друг другу.

Он прошёлся по комнате и остановился перед нами. Казалось, такого человека ничто не могло сломить или удивить, и все-таки между его бровями залегла морщинка печали.

И уже скоро я узнала больше о тех, с кем предстояло работать — и, вероятно, жить.

Девушку звали Анна. Её семья была бедной, но глубоко верующей. Как только она впервые исцелила порез с помощью воды, её выставили за калитку, испугавшись «нечистой силы» под собственной крышей.

Гордый сапожник Алексей Николаевич отметил сорок седьмой день рождения совсем недавно. Он прибыл только вчера — после того, как наша экономка, случайно став свидетелем его исчезновения прямо у себя на глазах, привела его сюда.

Молоденький рыжик Никита — сын нашего кучера. Ему только недавно исполнилось пятнадцать, и он был самым младшим в нашем коллективе. Его дар заключался в способности нагревать металл до раскаленного состояния, (что бы это не значило) пока правда, исключительно когда он нервничал.

Последний участник резко выделялся на фоне остальных — весельчак из, как я поняла, очень обеспеченной семьи.

Он сам пришёл к генералу, не зная, какие у него способности. С аккуратными, блестящими от помады усами, с лукавой улыбкой и хитрыми глазами — Василий, похоже, пользовался вниманием дам всех возрастов.

Легкость, с которой он воспринимал происходящее, удивляла: будто он был на светском приеме, а не в секретной организации.

Почему он оказался здесь — оставалось загадкой. Его семья, насколько я успела понять, принадлежала к числу богатейших и уважаемых дворянских родов.

Покачиваясь с пятки на носок, он терпеливо ждал, когда его представит генерал.

— И какими же способностями вы обладаете, Василий Петрович? — я сгорала от любопытства.

После представления мы расслабились и с интересом смотрели друг на друга — впервые я была не одна, ведь здесь все были особенные.

— Пожалуй, пока что главное достижение Василия — это умение поднимать пыль, — заметила Анна с простодушной улыбкой.

— А я-то уже надеялся, что мы с тобой станем друзьями, — парировал Василий с игривой обидой и тут же ей подмигнул.

Их обмен репликами внёс немного тепла в общую атмосферу. Мы только начали чувствовать себя чуть свободнее,

как раздался стук в дверь.

К нам нагрянул барон. Без жены.

Глава 9. Почему дочь сбежала?

Барон распахнул дверь и шагнул в кабинет, дрожащий и осунувшийся, с кровью, стекающей по ладоням.

Мы ахнули и отступили назад, мужчины, наоборот, вышли вперёд, преграждая ему путь.

— Барон, что с вами произошло? — спросил генерал, расставив ноги на ширине плеч, и положив руку на рукоять ножа, прикреплённого к поясу.

Бедный Никита покраснел, как раскалённый уголёк, и, испуганно глядя на бурые пятна на белом воротнике Штиглица, весь дрожал, словно осиновый лист. Не самое приятное первое дело для молодого авантюриста.

— Никита, подойди сюда, — я импульсивно положила руку на плечо парня и тихо зашипела: он был слишком горяч для обычного человека. В порыве защитить его я совсем забыла, что сама могу пострадать.

— Полина... Константиновна, с вами всё в порядке? — генерал обернулся на мой возглас и внимательно осмотрел меня своим строгим взглядом.

— Я... не знаю, — пробормотала я, всё ещё не привыкшая к такой заботе. — Генерал, мне кажется, что нам здесь не стоит находиться.

— Понял, — коротко кивнул он и бесцеремонно вывел барона из кабинета. Штиглиц попробовал возражать, что не такого отношения он ожидал и что пожалуется князю, но, услышав несколько сжатых слов от генерала, мгновенно замолчал.

— Что происходит?! — воскликнула Анна, истерично глядя на нас.

Я поняла, что нет смысла скрывать и коротко изложила всё, что узнала недавно.

— Как ты сказала зовут ту девушку? — спокойно поинтересовался Василий, казавшийся совершенно невозмутимым.

— Акулина Штиглиц.

— Помню, как к моей матери на чай приходила женщина с тихой и робкой дочерью. Но уже давно о них ничего не слышал. Думал, мать просто прекратила общение с этой семьёй.

— Почему? — разом спросили мы. От такого единства по спине пробежали мурашки.

Так, играя в вопрос-ответ, мы пришли к нескольким выводам. И главное — мы все немного успокоились и теперь готовы были броситься искать бедную девушку.

Но, все это время, мне не давали покоя разговоры о родовом проклятии. Не может всё быть так просто. Если бы дочь барона просто сбежала, он бы мог обратиться в жандармерию, а не присылать к нам слугу. Нет, что-то здесь не так. И к тому же мои видения ещё ни разу не были пустой фантазией, к сожалению.

Вместе мы вышли в коридор, где генерал с задумчивым видом наблюдал, как Штиглиц надевает пальто и хлопает входной дверью.

— Мы знаем, где может быть Акулина! — выпалила Анна, почти вбегая в объятия Дмитрия Львовича.

За её спиной стояли мы все. Никита — испуганный мальчик, Василий — довольный, что сразу разгадал загадку, и сапожник, который просто ждал дальнейших указаний.

— Это правда? — по какой-то причине генерал посмотрел именно на меня.

Я пожала плечами — не хотелось бросать слова на ветер.

— Да-да! В тёмной роще есть низина, где иногда встречаются влюблённые. Так сказал Василий, — Аннушка, казалось, уже готова была броситься туда и проверить, действительно ли там скрывается девица.

— Хорошо. Думаю, Василий и Алексей Николаевич проверят эту версию. А ты, — обратился он к Анне, — сходи к Варваре Николаевне. Думаю, к завтрашнему утру нам понадобятся комнаты, готовые к приёму гостей. Помоги ей.

— Что?! Нет, я пойду с вами! — с отчаянием возразила она, встретившись с его непреклонным взглядом.

— А с вами, Полина Константиновна, мы отправимся на местное кладбище, — кивнул он мне, потянувшись за моим пальто.

— Вам бы взять ещё одного помощника, ваше превосходительство, — раздался усталый голос пожилой женщины. На верхней лестнице стояла уважаемая дама нашего дома, пристально следя за происходящим.

— Зачем? — спросил начальник, приподняв бровь.

— Затем, что девушки должны выходить замуж, и ваша компания может вызвать вопросы в обществе, если, конечно,

вы не...

— Никита, пойдёшь с нами, — перебил её Дмитрий Львович и тут же вышел.

Я непонимающе взглянула на Варвару Николаевну, но та только отмахнулась и позвала к себе всхлипывающую Анну, пообещав показать ей, как заговаривать воду. Анна с готовностью откликнулась. Если честно, я бы тоже не отказалась этому научиться, уж лучше остаться дома и учиться, как заговаривать воду, чем шастать среди могил с ледяным мужчиной и пугливым мальчишкой.

— Эх, Полина, кто сказал, что сейчас начнётся сказка?

Я замерла на пороге дома, поражённая одной мыслью: Дмитрий Львович почти ко всем обращается по имени, а ко мне — исключительно по имени и отчеству. Почему так? Уважение до невозможности или же, наоборот, опасение перейти на личные отношения?

Глава 10. Лучше бы дома училась воду заговаривать...

— Ма-ри-я Шти-гл-иц, — мальчик по слогам прочел имя на надгробии.

Дмитрий Львович бросил на меня такой красноречивый взгляд, что по телу пробежали мурашки.

Лучше бы я осталась дома и училась хотя бы воду заговаривать... Я цеплялась за любые мысли, лишь бы не дать

страху овладеть мной, но всё равно вздрогнула, услышав:

— Полина Константиновна... — генерал наклонился ко мне и его тёплое дыхание коснулось моих приоткрытых губ. — Вы понимаете, что это уже не просто исчезновение дочери, а нечто совсем иное?

— Ну конечно, капитан Очевидность! — вырвалось у меня. Кажется, из меня никогда не выйдет безупречной аристократки: стоит панике приблизиться — и все манеры мгновенно исчезают. Сейчас меня уже несло на волне переживаний. — Я не собираюсь вызывать дух женщины, ушедшей два года назад! Не уверена, что это вообще возможно — и уж точно не хочу

Я заметила, как ночь окончательно укутала наши фигуры, и стало еще тревожнее.

Тени зашевелились как живые, жадно поглощая свет керосиновой лампы.

Но моего начальника это, похоже, ничуть не тревожило. Дмитрий Львович спокойно положил руку мне на плечо и чуть сжал — пытаюсь успокоить.

— Полина, ты не будешь разговаривать с мёртвыми. Этим займусь я. Не волнуйся, девочка, я бы никогда не подверг тебя опасности без серьезных оснований. Теперь держи лампу и встань так, чтобы моя рука не могла дотянуться до тебя.

— Что?! Как вы собираетесь это сделать? А если никто не придёт? А если дух окажется в гневе? Чем я смогу вам

помочь? — в голове вихрем крутились десятки вопросов.

Но генерал уже был сосредоточен на деле и предпочел оставить меня наедине с вопросами.

— Нет, — покачал мужчина головой и крепко взял меня за подбородок. — Ни один дух сюда не придёт, я сам спущусь к ним. Теперь понимаешь, почему мы пришли на кладбище?

— Нет, — помотала головой.

Вокруг сгущалась тьма, а меня словно тянуло к его уверенному и спокойному взгляду. Казалось, что мужчина уже не раз делал нечто подобное.

Не удержалась и спросила.

— Если вы делали это раньше, то кто вам помогал?

— Теперь вы будете мне помогать. — хмыкнул и выдал, — Если я не вернусь через десять минут, позовите меня. Громко! — проинструктировал он, доставая из кармана камзола часы и передавая их мне.

— Как я пойму, что вы погрузились в транс или...куда вам там нетерпится?

— Поверьте, этот момент вы не пропустите. Главное, не трогайте меня, пока я не вернусь из царства душ. А ещё внимательно слушайте всё, что я скажу — духи могут оставить нам подсказки.

Я снова и снова прокручивала его слова в голове, мысленно повторяя инструкции, как мантру.

Хотелось быть полезной, не ошибиться, быть сильной и смелой.

Первоначальный страх немного отступил, и в душе расталась надежда, что однажды я действительно стану такой же сильной и храброй.

Дмитрий Львович прошептал что-то, затем закрыл глаза.

Когда он их открыл, на нас смотрела пустота, как будто из его тела ушла вся жизнь.

— А-а-а! — Никита закричал от страха.

— Тсс! Ты же слышал, что говорил генерал. Мы должны слушать внимательно и не шуметь! — прошипела я, пытаюсь успокоить парня и себя за одно.

Пламя в моей руке затрепетало, но я продолжала смотреть на генерала, не в силах отвести взгляд.

Его пустые глазницы, словно провалы, пугали до дрожи, как будто за секунду он превратился в оживший скелет, держащийся на ногах лишь благодаря какой-то неведомой силе..

Опасаясь упустить что-то важное, мы разделили обязанности. Никита слушал, я отсчитывала время.

Когда часы отсчитали отведенные десять минут, а генерал так и не проснулся, паника охватила нас.

Помня его строгий запрет касаться, мы стали кружить вокруг и обдумывая всю жо... в которой оказались.

— Нужно позвать на помощь! — снова и снова твердил Никита. — Давай я сбегаю за отцом, а он приведёт кого-то из поместья...

Я понимала его: сама бы с радостью убежала, если бы не дала себе слово проявить храбрость.

— Да, это разумная мысль. Приведи Варвару Николаевну!
— поддержала я мальчишку, по сути просто дав ему задание, чтобы он не чувствовал, будто бежит прочь.

Никита умчался к выходу быстрее ветра, а я осталась наедине с этим пустым телом.

— Так, Дмитрий Львович! Что же мне с вами делать?
— поставив лампу на землю, я потеряла ладони, пытаюсь согреться.

Осторожно, не касаясь, я медленно провела руками над телом, стараясь осмыслить, как можно ему помочь.

Слишком рано... Я ведь не успела научиться управлять своим даром и не имела ни малейшего представления, как вернуть человека из иного мира.

Каждая секунда ускользала, пока я беспомощно кружила вокруг него, слыша только шорох собственной юбки.

«Зовите меня, но не касайтесь!» — вспомнились его слова.

— Ну что ж! — выдохнула. — Говорят, мужчины избегают разговоров, а вы, ваше превосходительство... такой романтик — ночью на кладбище хотите чтобы женщина говорила без остановки!

Я звала его по имени, по званию — всё напрасно.

Когда пламя в лампе затрепетало и стало гаснуть, я поняла: этот способ не сработал.

Меня окружала непривычная тишина. Ни одного звука, будто мир вымер. Даже птицы и мыши предпочли укрыться

в стороне.

И от этого пустого безмолвия внутри стало ещё тревожнее. Как ни странно, в этом молчании было больше иронии, чем покоя.

— Бесит ваша мужская уверенность: «Я всё могу!» — не выдержала я уже на тридцатой минуте. — А что, если я всё-таки прикоснусь хотя бы кончиком пальца до вас? Что тогда будет? — отчаялась я, и вдруг ответ вспыхнул перед глазами.

— О, как это непросто! Он ведь называл меня сильной с особенным даром, а ведь это значит, что я должна видеть то что скрыто от других...

Собрав все остатки храбрости, я осторожно взяла его за руку, и в тот же миг мир перевернулся.

Глава 11. В мире духов

Меня будто затянуло в гигантский водоворот, а потом выбросило в пространство между небом и землёй. Я беспомощно парила в крошечной тьме, размахивая руками и судорожно дрыгая ногами. Вокруг царил беззвучная пустота, поглощающая даже слабое эхо моих движений. Лишь после нескольких бесплодных попыток удержаться я смогла немного собраться и обрести хоть какое-то спокойствие.

— Дмитрий! Генерал?! — выкрикнула я в пустоту, надеясь на ответ, но сама испугалась, что снова окажусь в водовороте хаоса.

Я продолжала его звать — сначала громко, потом всё тише, пока голос не охрип и не превратился в беззвучный ше-

пот.

Бессмысленно. Никто не откликнулся.

— Где я? Почему вокруг пусто, это должно быть мир духов? Почему нет ни одного зова, ни шороха, ни присутствия?

Мой дар уже не раз подсказывал, что нельзя полагаться только на зрение и слух. Я глубоко вздохнула, закрыла глаза и прислушалась — не к звукам, а к себе. К ощущениям. К интуиции.

«Когда ты примешь свой дар — он откликнется», — напомнил голос Варвары Николаевны. Прозвучал он так ясно, будто женщина стояла рядом, положив руку мне на плечо.

— Прекрасно, — пробормотала я с раздражением. — Полевые испытания. Видимо, лучший способ понять, на что способен мой дар.

Я заставила себя успокоиться и сосредоточиться на том, кто для меня был якорем — на Дмитрия.

На его строгом взгляде и острых скулах, на его глубоком голосе, бархатистом и спокойном, будто ветер в сосновом лесу.

Если где-то и мог быть человек, способный принять мою странную природу — то только такой, как он. Дмитрий Львович.

Эта мысль была настолько новой и непривычной для меня, что я в удивлении распахнула глаза. Видимо, слишком ярко представила облик мужчины, что сама темнота начала отступать, словно передо мной открылись ворота.

Меня подхватила невидимая волна и понесла сквозь дома, чужие жизни, стены, сотканые из чьих-то историй.

Всё проносилось перед глазами: незнакомые улицы сменяли одна другую, лица возникали и исчезали, будто страницы в чьей-то памяти.

Какая-то неведомая сила мягко вела меня сквозь время, приоткрывая то, как души людей вновь переживают самые дорогие, самые тёплые мгновения своего прошлого.

Когда страх отступил, на его место пришло любопытство. Мне даже показалось, что я готова двигаться дальше, разгадывать этот странный путь. Но вскоре в сознание врезалась другая мысль: а что, если всё это — навсегда? Если я застряну здесь, скользя по чужим историям, так и не найдя генерала?

Ведь в этом мире нет никого из тех, кого я по-настоящему хотела бы увидеть. Тех, кто давно ушёл. Это не мои времена, не моя реальность. Мне здесь попросту нечего делать.

А вот у генерала, похоже, была та по которой он скучал. И он её нашёл.

В этот момент впереди мелькнула пара.

— Дмитрий Львович! — радостно воскликнула я, когда поняла, кто держит за руку хрупкую белокурую девушку.

Они оба буквально сияли от счастья, гуляя по знакомой и в то же время незнакомой улице Петербурга, смеясь, словно мир вокруг принадлежал только им. Где-то глубоко внутри

меня кольнула необъяснимая злость.

Меня непреодолимо тянуло к нему. Собрав всю свою волю, я сосредоточилась на этом желании — и карусель чужих жизней замерла. Я смогла освободиться.

Шатаясь я медленно подошла к паре.

Дмитрий был одет совсем иначе. Никакой формы, сабли или револьвера — лишь светлый костюм-тройка и шляпа.

С жадностью я всматривалась в его молодое, абсолютно счастливое лицо, не в силах поверить, что раньше он мог быть таким. Другим. Ни складки между бровей, ни теней под глазами, ни твёрдого, выверенного шага. Даже его разворот плеч был не таким внушительным.

Будто в той жизни он жил больше, радовался встречам и уделял достаточно времени мелочам.

И всё же... таких мужчин в наши дни просто хватали бы как горячие пирожки.

— Генерал, пора возвращаться! — преградила я путь молодым. — Вы сами сказали звать вас, если что-то пойдёт не по плану, и, как видите, всё явно пошло не по плану...

Но упрямый солдафон сделал вид, будто не слышит и не видит меня.

Ловко обойдя меня, мужчина словно бы хотел пригласить девушку на танец прямо посреди улицы.

Прокрутив её вокруг себя, он нежно обнял за талию, по-

том легко прикоснулся губами к ее белой кожи.

Что с ним происходит? Разве не понимает, в какой опасности мы находимся из-за его печали? Я не знала, кто это девушка, но было очевидно, что генерал решил остаться здесь навсегда, попутно втянув и меня в это.

— Да услышьте вы меня! — разозлилась я и бросилась вслед.

Девушка оживлённо щебетала, не выпуская мужской локоть. Белоснежный шлейф её платья мягко скользил по мостовой, создавая иллюзию, будто она парит над землёй — лёгкая, воздушная, словно ангел.

Я смотрела на них и где-то в глубине души понимала своего начальника. Но всё же... я слишком молода, чтобы застревать в мире духов.

После второй неудачной попытки достучаться до генерала, я призвала свой дар. Мысленно потянулась к Дмитрию Львовичу, всем своим существом стремясь достучаться до этого упрямого мужчины. Я чувствовала — боль, которую принесла ему смерть той девушки, она была невыносимой, прожигающей насквозь.

— Дмитрий Львович... её больше нет. Она обрела покой, тишину, свет. Пожалуйста, позвольте ей остаться там. Не зовите назад. Не напоминайте мёртвым о том, что они утрати-

ли... — прошептала я, почти неслышно, как будто боялась нарушить этот хрупкий покой.

Я замерла, стараясь не шевелиться. Просто смотрела им вслед с трудом сдерживая слёзы.. Вокруг было полно людей, но мой шёпот прозвучал неожиданно отчётливо.

Генерал обернулся. Всё в его лице — каждая черта, каждая эмоция — говорило о том, что он действительно испытывает душевную боль.

— Она должна была жить... это был несчастный случай — одними губами ответил он.

Теперь, посреди дороги, мы стояли вдвоем. Дмитрий отпустил дух, и девушка просто продолжила свой путь, повторяя движения, которые, казалось, делала уже столько раз.

Я кивнула.

— Нам пора возвращаться... — настойчиво произнесла.

Опытному военачальнику не нужны были ни моя жалость, ни сочувствие. Похоже, мне уже позволили заглянуть туда, куда посторонним вход закрыт. Стоило ли мне ещё беречь старую рану?

Я медленно подошла к нему, с грустью наблюдая за той единственной слезой, что невольно скатилась по его густым ресницам. Это была та редкая слабость, которую я успела

уловить, прежде чем он снова закрылся.

Дмитрий, словно превратившись в ледышку, резко схватил меня за плечи так, что я невольно вскрикнула от неожиданности. Тихо прошептал какие-то слова, и мир в очередной раз перевернулся с ног на голову.

Глава 12. Все забыли о служанке!

Дорогу домой я помню смутно — меня мутило от всего произошедшее. Кажется мой мозг так и не осознал до конца что это уже другой мир.

Осознанно воспринимать происходящее начала только тогда, когда оказалась в родных стенах.

В кабинете генерала я остановилась у окна, за которым колыхался тонкий тюль. Взгляд то скользил по обнажённым ветвям деревьев, то задерживался на моей камеристке, которая, оглядываясь по сторонам, осторожно пробиралась к самому окну.

Будь я не так вымотана, наверняка отреагировала бы иначе. Но сейчас... сил хватало лишь наблюдать.

Девушке, похоже, во что бы то ни стало нужно было услышать ответ. Наверное, маменька пообещала ей что-то грандиозное. Иначе как объяснить её готовность топтать сырую землю и пачкать и без того поношенные башмаки?

К счастью, широкая рама окна надёжно скрывала меня — иначе она бы непременно заметила. Пока я следила за суетой на улице, в комнате уже успели собраться все сотрудни-

ки отдела. Я коротко поприветствовала коллег и сознательно избегала смотреть в сторону Дмитрия: злость на него ещё бурлила во мне.

С самой дороги с кладбища его присутствие вызывало лишь тяжёлое раздражение. Но у нас оставалось незавершённое дело, и потому пришлось заглушить обиду, собрать мысли и настроиться на работу, вслушиваясь в каждое слово.

— Итак! Что мы успели выяснить на сегодняшний день: госпожа Мария Ивановна Штиглиц уже два года как покоится на Северном кладбище, — начал генерал без лишних предисловий, едва в комнате стихли шорохи и перешептывания.

Я машинально скрестила руки на груди, стараясь сохранять спокойствие и не выпалить в ответ: «И вы решили последовать её примеру? В мир иной захотелось?!» — опять возвращаясь мыслями к ночным приключениям.

Пока Дмитрий Львович подробно рассказывал о походе на кладбище и о том, как там обнаружили могилу жены купца, я, не желая вдаваться в детали, погрузилась в свои мысли.

Сложно передать словами, но мне кажется, что мой дар в этом мире, в этом теле, становится сильнее.

И правда, как говорила маменька, всё встало на свои места. О чём-то подобном упоминала и Елена, утверждая, что я — сильна.

Неужели моя душа просто ошиблась временем и миром? Но додумать я не успела.

Тишину внезапно нарушило крепкое словцо — и, что удивительно, вырвалось оно у Аннушки.

Девушка тут же покраснела и зажала рот обеими руками.

Я лишь взглянула на неё с лёгким уважением.

В этом времени барышни тщательно следят за речью — вдруг мужчины осудят, репутация пострадает...

А Анне, похоже, было всё равно. И в этом было что-то по-настоящему смелое.

Генерал только бросил на неё суровый взгляд, но, не заостряя внимание, сразу обратился ко всем:

— Какие мысли по делу?

— Вот сейчас вспомнилось, как матушка жалела одну сиротку, у которой отец всё время только по морям плавает, — задумчиво протянул Василий.

— То есть Штиглиц соврал, что общался с женой? — Никита подскочил, взволнованно почесывая макушку.

Парень метался будто боялся, что его кипучая энергия прожжет диван посреди кабинета.

Димитрий Львович лишь молча покачал головой.

— Мне удалось обменяться пару слов с погибшей, — произнёс Дмитрий спокойно, но у меня до сих пор по коже бежали мурашки от одной мысли о том где мы побывали. — И

знаете... дама была уверена, что её муж нарушил брачные обеты. Более того, она предупреждала его о родовом проклятии, которое передаётся по женской линии их семьи, но ее не послушали.

Мы замерли, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни единого слова. Интерес жёг изнутри — так хотелось узнать, в чём же заключалось это проклятие.

Но начальник, к сожалению, не раскрыл подробностей.

Кажется, на той стороне не слишком жалуют чрезмерно любопытных живых. Возможно, он просто не смог узнать больше или увидел что-то, о чём предпочёл умолчать?

— Шёлк... — неуверенно протянула я, постукивая пальцами по губам. — В моём видении был красный шёлк, а купец упоминал, что недавно пришвартовал свои корабли в порту столицы. Что, если это связано с местами, откуда он прибыл? Но почему тогда его дочь сбежала из дома? И какое отношение ко всему этому имеет жених?

Проклятию ещё можно было попробовать найти логичное объяснение, но вот то, что случилось с девушкой, — оставалось сплошной загадкой.

— Кажется, я понимаю, что с ней произошло... Но этой ночью нам нужно проверить, — сказал Дмитрий, чуть помедлив.

Я вдруг вспомнила о Марфе. Скорее всего, она всё ещё пряталась под окном, надеясь подслушать хоть что-нибудь важное. Но не успела никому о ней рассказать.

В следующий момент на меня накатила такая усталость, что ноги едва удержали. Словно волна изнеможения с головой накрыла всё тело и разум.

— Полина Константиновна, вы в порядке? — обеспокоенно спросил Василий, глядя на меня внимательно.

— Д-да, просто немного устала, — пробормотала я, чувствуя себя расплющенной и выжатой.

— Позвольте, я провожу вас, — мягко предложил Василий, но генерал вмешался раньше, чем я успела ответить.

— Сегодня вы сделали то, на что способен не каждый мужчина. И, похоже, это далось вам слишком тяжело, Полина Константиновна, — спокойно, но твёрдо произнёс он. — Думаю, вам стоит поговорить с Варварой Николаевной. Она знает как вернуть жизненные силы.

После этих слов он коротко кивнул Анатолию, явно отдавая какое-то распоряжение.

И подхватив меня под локоть, не давая Василию дотронуться до меня, проводил в коридор.

Шорох юбок и торопливые шаги за дверью ясно дали понять — подслушивающий всё-таки был. Но у меня уже не осталось сил, чтобы придать этому значение. Голова пульсировала от тяжести, будто кто-то саданул по ней молотком.

— Простите, Полина, но я вынужден... — сказал генерал и легко подхватил меня на руки.

Он стремительно взлетел по лестнице, а я, оказавшись в его объятиях, впервые за день позволила себе расслабиться.

Уже не нужно было держать спину прямо и делать вид, что я в порядке.

Генерал уложил меня на кровать аккуратно, хоть и в некоторой спешке. Темнота тут же разлилась перед глазами.

Когда-нибудь я стану великой кудесницей и буду помогать людям. А сейчас... сейчас мне просто нужно хотя бы немного поспать.

Глава 13. Новый знакомый

Я упрямо жмурилась и куталась в пуховое одеяло, надеясь хоть немного продлить утреннюю негу. По утрам холод в доме пробирал до самых костей — немел даже кончик носа, так что в своём упорстве я бы легко обошла и носорога. Но, как оказалось, в комнате нашёлся кто-то ещё упрямее... и куда нахальнее.

Над ухом донёсся раздражённый голос:

— Апчхи! Сколько тут пыли! Хоть бы прибрались, прежде чем сильную душу обратно тащить в мир живых!

У меня сердце ухнуло в пятки. Я крепко зажмурилась, надеясь спрятаться от незваного гостя, но все равно спросила:

— Кто здесь?..

Раньше всё было иначе. С тех пор как усилился мой дар, я всегда ощущала чужую ауру и улавливала отголоски эмоций. Это придавало уверенность.

А сейчас — тишина. Ни намёка на присутствие. Только ледяной холод.

И это было самым страшным. Ведь именно так я чувствовала себя в мире духов.

Осознав это, я вскочила, как ошпаренная. В углу комнаты тускло мерцал призрачный силуэт. В ужасе застыла, глядя на бледно-голубую фигуру, смутно напоминающую парня.

— Да ты не Кудесница, а трусливый зайчонок! — захохотал он и подлетел ближе.

Голос звучал издевательски и насмешливо. От этого становилось только страшнее. Я оцепенела боясь дышать. Тем временем нахал разглядывал меня с головы до ног, даже не пытаясь скрыть любопытство.

«Это... привидение?! А-а-а!» — в панике завопило моё сознание, но наружу вырвались лишь какие-то жалкие, булькающие звуки.

— Что, язык проглотила от моей могучей ауры? — ухмыльнулся он, скрестив руки на груди и напуская на себя вид взрослого и важного.

— Кто ты вообще такой? — наконец выдавила я, собрав с пола остатки гордости и выудив из воздуха пылинки смелости.

Если уж не убил меня во сне — значит, не злобный дух... надеюсь.

— Илья. К вашим услугам, барыня, — он изящно поклонился, вытянув ногу вперёд и даже снял с призрачной головы дырявую шляпу.

— И что ты тут делаешь, Илья? — я уперла руки в бока, хотя опереться самой не мешало бы.

Мой мозг отчаянно пытался догнать происходящее.

— Обитаю. А что, не видно?

— Нет, что ты делаешь в моей комнате? — сердце уже почти спустилось в грудную клетку, уступив место острому любопытству.

— Да так... — на миг он будто смутился, но тут же напомнил себе, что он, вообще-то, призрак, и с невозмутимой грацией оторвался от пола. Закружился вокруг меня, словно пушинка. — Летаю, охраняю имущество. Вдруг кто чего стащит! А тут такие дела творятся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.